

The background of the entire page is a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a woman with dark hair tied back is shown in profile, facing left. She is wearing a dark, long-sleeved dress with a patterned collar and a light-colored skirt. She holds a single lit candle in her right hand, which casts a warm, yellow glow on her face and dress. To her left, a window with a wooden frame is visible, showing a glimpse of a bright outdoor scene. In the dark background to the right, a shadowy figure is visible, possibly a person or a creature, with a small light source near its head. The overall mood is mysterious and somber.

САМАЙНСКАЯ ЛИСА

ШЕСТЬ, СЕМЬ —
НАВЬ ЗДЕСЬ
НАСОВСЕМ

Рассказ входит в сборник
«МАЛАХИТНИЦА»

Лиса Самайнская Шесть, семь – навь Здесь насовсем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72542281

SelfPub; 2025

Аннотация

Получив в наследство домик черт знает где, молодая девушка Паша решает провести древний ритуал очищения жилища, дабы обрести мир и спокойствие в новом месте обитания. Однако все идет не так гладко, как ожидалось...

Рассказ входит в сборник "Малахитница: 13 рассказов от авторов курса Евгении Кретовой «Бестселлер фэнтези»"

Содержание

Самайнская Лиса	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лиса Самайнская Шесть, семь – навь здесь насовсем

Самайнская Лиса ШЕСТЬ, СЕМЬ – НАВЬ ЗДЕСЬ НАСОВСЕМ

– Дедушка-домовушка, заходи в наш домушко, хлебушко покушать, новую хозяйку слушать...

Холодный порыв ветра едва не потушил свечу в руках девушки, заставляя наклониться над огоньком, дабы спешно прикрыть единственный источник света. Паша неловко поправила большой платок на голове, который уже медленно сползал с нее. Тихий шелест деревьев и потрескивание фитиля никак не помогали ей сосредоточиться. Она не могла понять, отчего дрожит: то ли от холода, то ли от страха. Девушка осторожно выдохнула, наблюдая за облачком пара и краем глаза поглядывая на дом, стоящий на столбах. Окруженная пахучими елями, желтым можжевельником, будто вечно больным, увядающим, обитель будто отчаянно кричала, умоляя о спасении. Близ дома не было ни дорог, ни единой

души – поселок располагался внизу, у подножья невысокой горы, на вершине которой всегда так жутко по ночам, одиноко. Жаль, что этот обряд нельзя было сделать днем...

Паша вновь поежилась.

Со смерти старухи прошла всего пара недель, а домовой уже начал против девушки бунт. В первый день, как она перебралась в дом, Паша еле продрала глаза, поднялась с кровати, а вокруг... Ее разбросанная одежда – мятая, будто затоптанная, собранная в одну большую старую сумку.

– Гостеприимно... – процедила она сквозь зубы, пиная свою же лежащую кофту.

Кое-как Паша привела все в порядок, разобрала вещи, вернув их по шкафам, как с кухни донесся скрип и затем страшный грохот – рухнул здоровенный шкаф с сервизом. Остатки его осколков девушка со слезами от боли еще несколько дней находила в своих ногах, ведь тапки – сколько бы она не приносила новых – все время пропадали, а вся обувь вечно оказывалась за порогом.

Но на этом ее несчастья не заканчивались. Однажды вечером бедная Паша, клюющая носом над очередной книгой бабки на кухне, взбодрилась благодаря резкому холоду, обволокнушему ноги – она так и не поняла, почему не заметила, как тихое капание крана переросло в потоп.

– Черт, черт, черт! – Паша всеми силами пыталась перекрыть кран, ведь вода из него хлестала сама по себе, сры-

вая все петли и механизмы постепенно усиливающимся потоком.

Мокрая, уставшая, Паша надеялась хоть немного отдохнуть. Собрав остатки чистой одежды, она сходила к колодцу за водой, а вернувшись обнаружила, что не может даже открыть дверь. Будто кто-то удерживал ее с другой стороны, не давая войти внутрь.

– Да какого черта?!

Паша сначала билась, думая, что просто сильно захлопнула ее, но потом пошла на крайние меры – кое-как она открыла окно, подставила пару бревен и забралась внутрь, счесав при этом колени и руки, добралась до двери и... Просто открыла ее.

– Черт бы вас всех побрал... – пробормотала она, чувствуя резкий запах протухших яиц. Странно, вроде у нее их не было.

Однако вершиной терпения стали разбитые одним утром зеркала во всем доме. Бедные пятки Паши не были готовы к новой порции боли.

«Он меня ненавидит...»

Как и она его и всех этих сущностей.

Девушка перевела взгляд на комод, где стоял портрет старухи в молодости. Иногда Паше казалось, будто это ее фотография, лишь глаза выдавали чужого человека. Она побаивалась своей бабки и всех ее темных дел, вздрагивала, лишь проходя мимо ее портрета. Старуха никогда не делала зла ни

ей, ни другим, однако сама возможность уже вызвала страх. Ее жуткие глубокие глаза, в которых таились знания, которые другим и не снились, навсегда оставались у всех в памяти до конца жизни. Лишь она могла с холодным лицом сказать человеку о скорой кончине или приближающейся неизлечимой болезни. Ее тяжелая энергетика никогда не располагала к теплой семейной обстановке, но Паша считала своим долгом навещать старушку вопреки ее ворчаниям. В один из дней девушка застала страшную картину – бабка лежала на кровати, ворочаясь и крича, как не в себе, но, увидев внучку, распахнула глаза и вцепилась в ее руку. Паша, напуганная до смерти, не могла проронить ни слова, даже слезы застряли комом в горле. И лишь с ее приходом старуха выдохнула, легла, и только голова коснулась подушки – на душе наступил покой, а сердце тихо остановилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.